

КОЕ-ЧТО О НЕМ

Начну с того, что родился Анатолий Заболоцкий в маленьком сибирском селе Сыда, которое в те времена еще стояло на берегах двух таежных рек Сыда и Узенка, впадающих в Енисей. Теперь этого села нет, потому как оно затоплено при образовании водохранилища Красноярской ГЭС.

Заболоцкие уехали из Сыды несколько раньше. Они переехали в Абакан. Глава семейства Дмитрий Константинович Заболоцкий устроился на работу в Сельхозтехнику, а мать Анатолия кружилась с утра до вечера по дому.

От своих сверстников в городской школе Анатолий ничем особенным не отличался, разве что по праву считался уже маститым фотографом. Держал Анатолий в голове задумку — попытаться свою долю во ВГИКе...

В общении с одноклассниками Заболоцкий никогда не отличался бесшабашностью и не был рубахой-парнем, но знали все, с кем он дружил или просто встречался, что надежнее его, честнее и бескорыстнее в округе нет.

Таков Анатолий остался на все времена — дотошный в деле, причем до мелочей, открытый для всех и каждого, и открытый порой до такой степени, что бесчисленное количество раз оказывался по этой причине в жутко обидных, до слез горьких ситуациях. Смотрю другой раз на него (хоть теперь встречаемся с ним далеко не часто, так как я остался верен Абакану, а он проживает в Беломоносовой) и думаю: «Толя, Толя, как часто жизнь колотит тебя суковатой дубинкой, гораздо чаще, чем отпускает крохи радости, и никак не может хоть на йоту изменить твою несурную натуру». Губит моего земляка потрясающая доверчивость. В каждом новом знакомом Анатолий видит хорошего человека и в любой момент готов без остатка отдать ему все, чем владеет сам.

А вот в работе он зол. Два года назад Анатолий пригласил меня на свой юбилей, на выставку своих фотокартин, на торжественный вечер, который проводился в Доме кино Союзом кинематографистов России.

По выставке его ходил завороченный, что называется, с открытым ртом. Если бы он до этого не был оператором-постановщиком тех 14 художественных и документальных фильмов, которые сегодня известны не только в России, но и в дальнем зарубежье, если бы он не был иллюстратором книг Василия Белова, Виктора Астафьева, Владимира Солоухина, академического юбилейного издания «Слова о полку Игореве», одна эта выставка сделала бы его классиком отечественной фотографии.

Выступая на открытии ее, Владимир Солоухин сказал так: «Я оцениваю то, что вижу, на свой манер. Считаю, если мне это по душе, значит, это хорошо, а ежели от увиденного у меня душа трепещет и поет, значит, это здорово. Присмотрелся сейчас все 150 фотографий Толи Заболоцкого. Около каждой потоптался на месте и, знаете, небывалый случай, не нашел ни одной, которая бы мне не понравилась. Вот говорю по совести: любую из них с удовольствием повесил бы у себя в квартире. Нашего сегодняшнего юбиляра Анатолия Заболоцкого я бы назвал фотофилософом. Вот здесь, в зале, он представил нам не фотографии в обычном понимании этого ремесла, а мастерски выполненные художественные произведения. Низкий поклон тебе, мой друг».

Так и забегаю вперед, так и хочется рассказать об Анатолии Дмитриевиче как можно больше, как можно полнее, хотя и поклонюсь вроде бы всегда великому правилу: торопясь не спеша.

В институт кинематографии земляк мой попал не с первого захода, а только через год, то есть в августе 1954-го. Добился своего, стал студентом операторского факультета. В своей новой книге «Шукшин в кадре и за кадром» Анатолий пишет: «...Я чувствовал себя среди своих сокурсников абсолютно белой вороной во всем, но особенно в обмундировании и снабжении. Сейчас-то я уверен, именно это обстоятельство и заставило меня выбиваться только трудом».

Курсом выше в те же годы во ВГИКе, но на режиссерском факультете учился Василий Шукшин, тогда, естественно, известный лишь в своей студенческой среде. Как рассказывал мне Анатолий, в те времена они не были дружны и близки.

«Недолюбливали Шукшина вгиковцы», — говорил он. — Держался Василий Макарович от студентов всегда в стороне (он же был старше нас), ходил вечно в гимнастерке и сапогах (потом уж я узнал, что другого-то у него ничего не было), всегда выступал на собраниях, любил всех критиковать, в том числе и преподавателей, был партийным активистом, несговорчивым и настырным».

Не все гладко и радужно в «счастливую студенческую пору» складывалось у самого Анатолия. Его, человека из сибирской глубинки, чисто интуитивно добирающегося до истоков «важнейшего из искусств», собственноручно пожелавшего прикоснуться к богеме кино, от первого до последнего курса ВГИКа не

В издательстве «Альпари» вышла новая книга «Шукшин в кадре и за кадром». Ее автор — кинооператор-постановщик фильмов «Печки-лавочки», «Калина красная», «Альпийская баллада», «Христос приземлился в Гродно», «Обрыв», «Безумие», «Через кладбище» и многих других Анатолий Дмитриевич Заболоцкий. Книга иллюстрирована самим автором и рассказывает о последних шести годах жизни Василия Макаровича Шукшина. Об авторе этой книги рассказывает его близкий товарищ.

МОЙ ЗЕМЛЯК АНАТОЛИЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Мир России — 1997 — 17 Октября — С. 13

покидало сомнение в своем выборе, сомнение не в том смысле, что правильно или неправильно сделал он, а что хватит ли ему, сибиряку-крестьянину, сил и ума постичь великие тайны своего кумира, подняться вровень с теми, кто создает его и пестует.

После ВГИКа Анатолий по распределению уехал в Минск, на вновь создающуюся студию «Беларусьфильм». «А так хотелось, — вспоминает сам Заболоцкий, — поработать в Москве! Здесь столько было прославленных мастеров кино!» В другом месте он пишет: «Нам, молодым, в ту пору крепко повезло, через год-другой после студенческой скамьи мы получили возможность самостоятельно работать сначала по короткометражным, а следом и полнометражным фильмам».

За несколько лет без простоев я работал производственно-профессиональный опыт, а жизнь и общение с собратями по киноделу возродили меня к реализму».

На студии «Беларусьфильм» Анатолий Заболоцкий снял художественные ленты «Последний хлеб», «Через кладбище», «Альпийская баллада», «Христос приземлился в Гродно» и другие, несколько замечательных документальных фильмов. В 26 лет Толя стал заслуженным деятелем искусств Белоруссии.

У Шукшина же жизнь в те времена складывалась довольно сложно. Сам он так впоследствии писал о себе (цитирую из книги Заболоцкого): «Поступал на режиссерский после пяти лет службы на флоте, имел привилегию — вне конкурса, а знания, ясно, «корабельные». В приемной комиссии, на мое счастье, был Николай Охлопков. Он сам сибиряк, в ту пору в славе. Он — земляк — меня вытащил на розыгрыш, спросив: «А где теперь критик Белинский?» Я ему подыграл: «Кажись, помер?» И про «Войну и мир» честно сознался: «Не прочел — толста больно». Он оценил мое признание. А думается, московские мои сокурсники знатоками Толстого были? Охлопков, царство ему небесное, отстоял мое поступление в режиссеры».

А дальше рассказывает сам Анатолий: «Михаил Ильич Ромм... запустил Шукшина с дипломом не на учебной студии, а на «Мосфильме». Шукшин снял «Из Лебяжьего сообщают» — защитил диплом и завис. Предлагали ехать в Свердловск, но он уже понимал: кино можно делать только в Москве. На «Мосфильм» с его курса Михаил Ильич Ромм взял только Сашу Рабиновича (Митта — такую он себе фамилию завел вместо отеческой), Андрея Тарковского и Саню Гордона. Пожелай бы Ромм, ничего бы не стоило и Шукшину попасть на «Мосфильм». А формальная преграда — не москвич».

И еще раз обращаюсь к записям самого Шукшина: «Диплом сочли слабым — я и не рыпался. Из общепитовского на Язуе гнали, кормился актерством. Снимался где позовут, за многое теперь совестно. Михаил Ильич мог помочь мне, если б верил».

Надежда у Шукшина загорелась после публикации в журнале «Октябрь». Главный редактор журнала Всеволод Кочетов и Ольга Румянцева помогли осесть в Москве. И никто больше.

ВСТРЕЧАЕМСЯ В ПЕРЕУЛКЕ

За последние годы мне не часто доводилось бывать в Москве, особенно сейчас, когда билет в одну сторону стоит более полутра миллиона рублей, но уж если приезжал в столицу, то обязательно старался встретиться с Анатолием, и непременно у него в квартире. Нравится она мне, его холостяцкая обитель в старомосковском доме. Она у него похожа скорее не на жилое помещение, а на музейный архив, в котором годами ведутся какие-то исследования и кто-то делает попытку за попыткой, чтобы навести здесь порядок, но усилия эти не достигают цели. Особенно мне нравится у Анатолия его библиотека.

Анатолий ЗАБОЛОЦКИЙ

Книги расставлены не в образцово-показательном порядке, штука к штуке, золотеный корешок к золотеному, а по какой-то лишь самому хозяину известной системе. Но вот что характерно, стоит в разговорах затронуть какую-нибудь щекотливую, спорную тему — будь то живопись, кино, поэзия, туризм, деревня, Сибирь, Алтай или Балтика, — как Анатолий не спеша, но совершенно безошибочно подойдет к нужному месту в книжных рядах и достанет тот томик или журнал, а возможно, и пакет с фотографиями, какие ему в данный момент требуются. Побеседуешь с ним так вечер-другой и увернешься, что нет здесь ни единой брошюры, ни единого толстого или тонкого романа, которые бы не перелистали в свое время Анатолий Дмитриевич, этак не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой.

Еще в те годы, когда Анатолий выпускал одну красочную книгу за другой, раскрываясь не только как мастер-оператор кино, но и как фотохудожник, я перечитал в разных периодических изданиях десятка полтора его интервью, рецензий маститых критиков. В них было все: высокая оценка фоторабот Анатолия, его умение рассмотреть в быденном и повседневном подлинную поэзию, если хотите, музыку природы, красоту и скорбь, нас окружающую, теплые строки заметок об интуиции, Богом дарованной Анатолию, о тех качествах его характера, которых зачастую нам всем так недостает, а именно — доброты, душевного тепла.

Жизнь свою Анатолий Дмитриевич подарил без остатка киноискусству. Семья у него не сложилась (так же, между прочим, как и у Василия Шукшина). Пока выбивался в люди, не было возможности заниматься женщинами, вить свое гнездо. А когда стал именитым кинооператором, обрел известность и милые дамы пошли на него в наступление — еще бы, такой жених! — он открыто страдал, что из-за них что-то не дочитал, где-то не доснял интересный и, может быть, неповторимый сюжет, не встретился с каким-то потрясающе интересным человеком.

Пометался так Анатолий в самотерзаниях и взял женщину с ребенком. По всей вероятности, хорошую женщину, которая не один год старалась угодить ему в быту, следить за ним, за его «путевым образом жизни». Сама она работала на «Мосфильме» и была большим мастером по монтажу кинолент, успевала как-то все делать по дому. На то они и женщины!

Сам я с ней не знаком, так как встречался тогда с Анатолием крайне редко. Он дома бывал наездами — то перед

съемками очередного фильма, то после. А рассказывает он о своей семейной эпопее очень неохотно. Или сосет у него под ложечку об утрате чего-то теплого, уютного, или не хочет, как это частенько с ним бывает, раскрывать свою душу.

В начале девяностых годов, когда наш отечественный кинематограф резко пошел на развал (в застойные времена на студии «Мосфильм» работало свыше 9 тысяч специалистов, а сегодня осталось всего 600), лучших мастеров советского кино стали приглашать, а точнее, переманивать в Голливуд. За хорошие деньги, за хорошую бытовку, за хорошие условия в работе. Предлагали и Заболоцкому снимать в США полнометражные художественные ленты. Привозили домой наивыгоднейшие контракты, причем как раз в те времена, когда он прочно сидел на мели, так как со студии ушел из-за нечего делать. Казалось бы, чего ему не соглашаться, что его удерживает здесь, в нашей неприкаянной, вечно загадочной и непредсказуемой стране? После смерти Василия Шукшина Анатолий так и не сошелся ни с одним режиссером и был почти десять лет практически невостребованным специалистом. Чтобы не впасть в отчаяние, стал фотооформителем книг, а затем и автором многих изданий.

Но вот натура! Ни с кем не советуясь, хотя в друзьях у Анатолия недостатка никогда не было, на все заграничные предложения, пощипывая свою седеющую бороду, отвечал однозначно: «Что вы, что вы, господа, у меня в деревне есть дом, писатель Василий Белов подарил, огород. Куда мне ехать, я — русский».

К сожалению, жена Анатолия Дмитриевича не устояла перед соблазном пожить на широкую ногу, уехала в Лос-Анджелес и проживает там благополучно, присылает письма, не перестает надеяться, что «образумится» ее бывший муженек и махнет в загранку. Зря надеется.

Как-то Анатолий заметил по этому поводу: «Судьбе, видно, так угодно было. Характер-то у меня не золото, вредный я дома, особенно когда мне мешают работать. Не создан я для семьи, люблю покопаться сам в себе».

ОТКРОВЕНИЕ НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Приятно держать книгу своего земляка, да еще такую, как «Шукшин в кадре и за кадром». Анатолий сопровождал свое произведение такой строкой: «Заметки кинооператора». Что называется, скромно и со вкусом. А я бы добавил: «Откровение наедине с собой». Уж очень она, эта книга, личная, каждая строчка в ней пропущена через сердце автора.

Анатолий Дмитриевич показал своего друга так широко и так умело, что перед нами встает не литератор и не киношник, а шебутной, куда-то вечно бегущий и что-то вечно ищущий деревенский мужичок в кожаном пиджаке, в сапогах.

Читая записки Заболоцкого, сделанные на первый взгляд незамысловато и просто, с предельной честностью, начинаем понимать не только механизм поиска фактуры, съемочных площадок, типажей для очередного фильма, будь то «Печки-лавочки», «Калина красная» или «Степан Разин», но и ловим себя на мысли, что не знаем любимого писателя и видного кинодеятели земли Российской, видим его лишь по его произведениям, далеко не однозначным по замыслам, художественному исполнению.

За 39 дней до своей смерти в аннотации к сборнику своих рассказов и повестей Василий Макарович Шукшин написал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык. Он передан нам нашими дедами и отцами — стоит ли отдавать его за некий трескучий, так называемый «городской язык», коим владеют все те же ловкие люди, что и жить как будто умеют, и насковзь фальшивы. Уверю, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания, — не отдавая всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Книга Анатолия Заболоцкого — это не просто набор фактов и событий о Василии Шукшине, это глубокое философское осмысление двух жизней: писателя, кинорежиссера, кинодраматурга, актера — и оператора-постановщика, фотохудожника и тоже писателя. На каком-то жизненном этапе сомкнувшись в едином творческом порыве и разлученных лишь трагическим, преждевременным концом одной из них.

Альберт УРМАН,
наш соб. корреспондент
по Югу Сибири

г. АБАКАН